

Горног не omnigenum ебоу; мермбегоб

ТИМ ВОЛКОВ

**ЗОВ
ИЕРИХОНА**

Тим Волков

Зов Иерихона

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=42350618

ISBN 9785449667748

Аннотация

В одночасье привычные сонные будни провинциального городка превращаются в кровавый кошмар: по улицам бродят ожившие мертвецы, пожирая прохожих; обезумевшая женщина прорицает конец света, принося во славу бога человеческие жертвоприношения; в застенках морга проводятся дикие эксперименты. Дитрих и Корб, фотограф и художник, стремясь спасти город, пытаются разобраться в случившемся. Но цена истины оказывается слишком высока.

Содержание

Пролог	5
1. Post Mortem	8
2. Лица мертвецов	18
3. Последний клиент	26
4. В гости к гробовщику	33
5. Начало безумия	42
6. Цветочный сад	55
Конец ознакомительного фрагмента.	60

Зов Иерихона

Тим Волков

© Тим Волков, 2019

ISBN 978-5-4496-6774-8

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Пролог

В городе никого нет. Словно вымерли все. Ни людей, ни животных.

Куда подевались?

Только лишь неведомые тени блуждают в темноте.

В укрытых полночью тесных закоулках слышится какое-то шевеление. Ветер? Определенно сказать нельзя. Звук, похожий на скрип ржавых дверных петель повторяется. Ощущение чьего-то присутствия нарастает. Нет, это точно не ветер. Звук принадлежит живым существам.

Но это не люди. Это тени. Они выныривают из мрака, в блеклом свете звезд ползут по серой земле. Угловатые конечности тянутся вперед, рыская в поисках жертвы.

Небо заволакивает тучами, мертвый город съедает остатки света и погружается во тьму. Тени исчезают.

Но *хозяйева* теней остаются. Они прячутся во тьме.

– О Господи! Нет! НЕТ!.. – истошный крик резко обрывается. Его тут же сменяет другой звук – хруст костей и довольное чавканье. Те, что прячутся в ночи, рвут свою жертву пополам, жадно впиваются в сочную теплую мякоть.

Холодный ветер доносит вонь мокрой псины. Высокие сутулые создания, *хозяйева* ночи, чуют запах страха. Очередная жертва, парализованная ужасом, не в силах убежать, прячется где-то поблизости, забившись в угол. Они идут. Клацанье

зубов сводит с ума. Не в силах совладать с собой, жертва начинает кричать, выдавая себя.

Хищники бросаются на крик, рыча и повизгивая от удовольствия, начинают трапезу...

Рывок.

Швакх-х!

Всплеск ужаса и... темная комната. Знакомый интерьер. Кровать, камин, кресло.

Что это было?

Слушая, как неистово заходится сердце, едва не выпрыгивая из груди, он пытается понять, что случилось. Сон? Кажется, сон. Да. Всего лишь сон. Дурной сон.

Он вытирает холодный пот со лба и облегченно вздыхает. Господи, ну и присниться же такая гадость! Не стоит так надеяться на ночь! Во всем нужна мера.

В коридоре слышны шорохи.

Он приподнимается с кровати, вслушиваясь в источник звука. Сквозняк?

Нет. Не похоже на сквозняк. Скорее...

Вновь шорохи.

Шаги.

– Эй, кто здесь?

Он спускает с кровати ноги, ищет в темноте на холодном полу тапки. Одновременно пытается зажечь лампу.

– Кто здесь? – повторяет он, слыша, что звуки уже совсем близко. В голосе сквозит тревога. – Кто вам разрешил захо-

дить в мой...

Слова застревают в горле. В дверном проеме стоит оно. Лицо хозяина дома застывает в гипсовой маске ужаса. Он пытается закричать, но не произносит ни звука. Из легких вырывается лишь сухой свист воздуха.

Тварь на короткое мгновение застывает, оценивая разделяющее их расстояние, потом резко приседает и стремительно прыгает вперед. Человек успевает лишь скорчить лицо в нелепой гримасе. Тварь вцепляется ему в горло. Кровь густыми ошметками падает на белоснежную простыню.

Так и не зажженная лампа падает на пол. Довольное чавканье постепенное сменяется тишиной. Мертвый город продолжает молчать.

1. Post Mortem

– В него всадили шесть пуль. Расстреляли всю обойму. Трофейный ковер, что привез он из Пенджаба, был весь в крови, пришлось выкинуть. Мы пробовали отмыть, но всё в пустую. Кровь намертво въелась.

Дама промокнула уголки глаз белым платком, тяжело вздохнула.

– Мы все любили Фрэнка, уважали его, и соседи, и друзья. Поэтому я хотела, чтобы осталась какая-то память о нём. Понимаете?

Дитрих пригладил белую лопатой бороду, покачал головой. Нахмурил лоб. Морщить лоб у него получалось особенно хорошо, глубокие старческие морщины придавали сочувствующий, даже скорбный вид, полный переживания и горечи. Когда клиент чувствует, что ему сопереживают, разделяют его боль, он становится щедр, даёт больше чаевых. Таков закон рынка, усвоенный Дитрихом еще в раннем возрасте. Жаль, всплакнуть не получится. Нет такого таланта.

Про себя Дитрих помянул крепкими ругательствами и незнакомого ему Фрэнка, и эту сомнительную дамочку.

Утро вновь начиналось не так как хотелось. Гадкое, с позволения сказать, утро.

Дама обмахнула себя платком. Поняв, что с поставленной задачей платку не справиться, извлекла из миниатюрной су-

мочки тошнотворного светло-розового цвета веер. В лавке и в обыденные-то дни было душно, а, учитывая сегодняшнюю жару, воздух просто плавился. Жестяные крыши домов сухо шипели, калились докрасна, превращая жилища в топки печей.

– Мы хотели сделать чучело, но никто не захотел выполнить эту работу.

– Простите – чучело? – Дитрих не смог спрятать своего удивления за маской скорби.

– Да, чучело. Тогда бы Фрэнк был всё время с нами, – дама округлила свои кристально чистые небесного цвета глаза, посмотрела на Дитриха. – Это вас удивляет?

Лишь две мысли посетили сбитого с толку Дитриха. Одна: «она это на полном серьезе!». И вторая: «какие у неё красивые глаза, ещё не обезображенные искрами разума». От нахлынувшей дурноты в глазах потемнело.

Дитрих неуверенно кивнул головой.

– Не то, чтобы... я просто... впрочем, продолжайте...

– Чучела нынче весьма в моде. Все эти зверьки, убитые на охоте. Мужчины же любят хвастаться своими зверьками и своими достижениями. Фрэнк обожал охоту. В его коллекции трофеи убитых им косуль, оленей, птиц разных. Других зверей, я названия даже их не знаю. Фрэнк пару раз выезжал в Африку поохотиться. Еще где-то был, названий я таких не выговорю. Есть даже чучело тигра. Оно сейчас занимает комнату Фрэнка, очень правдоподобно сделано. Я пару

раз даже пугалась от неожиданности, когда Фрэнк его только в дом приволок. Но в нём моль почему-то завелась.

– Во Фрэнке? – не стерпел Дитрих, прыснув от смеха. Но тут же взял себя в руки и с пущей серьезностью сказал:

– Извините, продолжайте.

Дама смерила его непонимающим холодным взглядом.

– Чучелодел постарался на славу. Тигр, кажется, вот-вот оживет! – дама озорно хихикнула. – Талант ведь иметь надо такой, чтобы сделать так!

– Таксидермист.

– Простите? – растеряно спросила дамочка.

– Людей, которые делают чучела, называю таксидермистами.

– Ксимерди... это не важно, по большому счету. Я подумала – почему бы после смерти Фрэнка и из него не сделать чучело? Усадить красиво, придать величественную позу, у камина, например, с книгой или фужером коньяка – он очень любил хороший выдержанный коньяк, – в его бархатном любимом халате бордового цвета. И Фрэнк будто бы и не умирал вовсе. Как вы считаете?

Дитрих едва не подавился. Горло сперло, лицо покраснелось.

Он лишь неопределенно замахал головой.

– Но, к сожалению, таких услуг нынче никто не оказывает. Я вот думаю это от необразованности.

– Точно! – крикнул Дитрих. – От необразованности! Чёр-

те что творится!

Дама поддержала его размашистым кивком головы.

– Нет фантазии, чтобы денег заработать. А ведь за чучело своего любимого мужа я бы выложила кругленькую сумму, – дама ловким движением собрала веер в ладонь, вновь его расправила. – А так тело его будут грызть земляные червяки, – она промокнула уголки глаз. – Нету у нас в обществе умных людей! Ну нету!

«Это точно!» – подумал Дитрих, осматривая напудренное личико заглянувшей к нему в лавку светской особы. Вновь заболела голова – от духоты. А в большей степени от посетительницы его салона. И её нестерпимо зловонного парфюма.

Дамочка поправила выбившийся локон из прически, спрятала веер в сумочку и, подытоживая и без того затянувшуюся беседу, категорично заявила:

– Я пришла к вам сделать фотографию пост мортем. Вы ведь делаете фотографии пост мортем?

– Делаем, – с неохотой подтвердил Дитрих.

Давно хотел он поменять вывеску, убрать из списка услуг эту придурь, вписанную только ради появившейся ныне моды фотографировать умерших. Что за народ, удумал такое, карточки делать покойников – да не просто так, а в позах живых, да с живыми еще же людьми, близкими и родными. Вроде как на память. При жизни откладывают всё – дорогая эта услуга, видите ли, сделать снимок, – а вот как преставится кто, так тут дело долга, родственника своего в халат уку-

тать, в руки ружье всунуть да в обнимку сфотографироваться.

Дитрих вздохнул. Дамы фыркнула. Пробежавшая между ними волна душевного кислого от забродивших в саду яблок воздуха была разрезана надвое незримой струной их холодных взглядов.

Дитрих сухо сказал:

– Тогда назначим сеанс на завтра.

– А сегодня нельзя?

– Нельзя, – тут же отсёк Дитрих. Потом, слегка запинаясь, добавил первое, что взбрело в голову: – Реактивы остыли. Надо новые заводить. Только завтра готовы будут. До обеда приходите. Не опаздывайте.

– И Фрэнка приносить? – округлила от удивления глаза дамочка.

– Нет. Фрэнка оставьте. Одна приходите. Обсудим детали, цену обговорим, адресочек ваш оставите, и прочее.

– А сейчас...

– А сейчас мы закрываемся. Обед, знаете ли. Закрываемся мы, в общем, чего тут непонятного?

Дама сморщила носик, встала и ушла, вспорхнула, словно маленькая птичка, растворилась за дверьми салона, оставляя после себя легкий шлейф дорогих духов – ландыша и еще чего-то неуловимого, нежного.

Дитрих громко чихнул ей вслед – с детства терпеть не мог различного рода парфюмы.

«Интересно, а кто же всё-таки убил этого беднягу Фрэнка?», – Дитрих нехотя начал приготовления к завтрашнему заказу – достал из-под прилавка пыльный огромный портфель, положил в него рамки со стеклянными негативами, сборный треножник – дорогушая вещь по нынешним-то временам, – банку с химикатом, пару перчаток.

«А может, Фрэнк сам застрелился? Не вытерпел бесконечного словесного потока своей жены и покончил с собой? Разрядил в себя всю обойму. Имея такую жену, я бы еще и яду выпил для надежности. Подумать только – чучело из человека удумала сделать!».

Дитрих хохотнул. Настроение, упавшее ниже ада, начало помаленьку подниматься.

Вновь зазвенел колокольчик на двери. В салон вошли. Нагло, без приглашения.

– Мы уже закрываемся! – оскалился Дитрих, выпрыгивая из-за прилавка. Времени до закрытия – еще два с половиной часа, но в запасе имеется много разных отговорок для самого себя, чтобы прекращать на сегодня работать. Работать, когда нет желания, всё равно, что окучивать дурную бабу – может что и получится, да хорошего в итоге ничего не выйдет.

– Я не займу много времени. Хочу сделать заказ, – произнес незнакомец, прорывая словесную осаду Дитриха. Подошел к прилавку.

Тонкий росчерк его черных усов подрагивал в такт словам, а маслянистые глаза сновали из стороны в сторону,

останавливались на мгновение на какой-нибудь детали, впились в неё, изучали, и вновь убегали, видимо не найдя ничего интересного. Незнакомец походил на наглого таракана, коих Дитрих лицезрел каждую ночь на своей кухне, когда заходил за очередной порцией алкоголя.

«Этот богатей», – отметил Дитрих, вытирая со лба огромные капли пота. Нехотя простонал:

– Закрываемся...

– Вам он будет весьма интересен в финансовом плане, – незнакомец достал из внутреннего кармана пиджака туго набитый мешочек. Мешочек нагло звякнул по столу, по-хамски развалился как объевшаяся сливок кошка.

«Золото!» – сердце Дитриха всколыхнулось, забилось быстрее. «Унций десять, не меньше. Это если в фунты перевести... Ах вы мои тройские унции, не щадите старика! И не откажешь ведь вам. Имеете бесовскую силу, ей-богу имеете!».

– Слушаю вас, – улыбнулся Дитрих. Во рту разом пересохло.

– Фотографии мертвых...

– Ох, опять пост мортем? – Дитрих досадливо хлопнул ладонями по прилавку. – Да что же вы все, с ума, что ли, сошли? Послушайте, я подумывал о том, чтобы вообще вычеркнуть эту услугу из моего...

– Никакого пост мортем, – прервал его причитания незнакомец.

«А он мне начинает нравиться». Дитрих пригладил бороду. По-деловому коротко осведомился:

– Продолжайте.

– Меня интересуют фотографии мертвых людей, а точнее их лиц. Не надо оживлять лица, гримировать и наряжать в одежды. Никаких поз и постановок. Мне нужны фотографии их лиц, без прикрас и вашего вмешательства. Мертвенная чистота и ничего более, – Незнакомец протер платком свой высокий гладкий лоб. – Вам понятно, что мне необходимо?

Дитрих долго внимательно глядел на незнакомца. Изучал его черты лица, брови, глаза. Потом не выдержал и язвительно спросил:

– С вами всё ли в порядке? Самочувствие как? Нынче жара страшная стоит, солнечный удар получить – плевое дело.

Незнакомец не потрудился ответить. Лишь медленно перевел взгляд на деньги.

Дитрих тяжело вздохнул. Побил костяшками пальцев о стол, улавливая едва слышимое звяканье монет. Спросил:

– Зачем это вам?

Незнакомец улыбнулся.

– Полагаю, это к делу не относится. Я плачу, вы исполняете. Всё остальное – не вашего ума дело.

Гость пододвинул мешочек с деньгами ближе к Дитриху.

– Ну, так что? Вы беретесь за этот заказ?

Дитрих колебался. С одной стороны приличные деньги,

с другой – мертвечина, которая каждый раз после очередного сеанса пост мортем не давала покоя и всё являлась во снах, и пугала до сердечного приступа. Дьявол вас побери, богатеи, с вашими заказами извращёнными! Чтоб вам пусто было!..

«Конец месяца, за аренду платить надо», – тут же ожил тонкий голосок счётного человечка в голове. Дитриху он всегда представлялся таким злобным карликом, натирающим лацканом засаленного пиджака медную монетку. «Давай же, соглашайся!».

Дитрих почесал бороду.

– А где я возьму... моделей?

Незнакомец спрятал платок в карман. Мельком окинул взглядом салон, небрежно, словно нищему мелочь, кинул:

– Это уже не моя забота. Дайте взятку врачам, убейте кого-нибудь. Меня это не касается. К следующей неделе я хочу видеть на этом столе десять фотографий. Лица мертвецов. Ничего более.

Дитрих начал покряхтывать. Потоптался на месте, потирая взмокшие руки, надеясь, что гость надбавит плату. Но уса́тый стоял не шевелясь, каменный взгляд был холоден и отстранен.

«Этот не накинёт, жадный!».

– Так-то... хм-м... ну...

«Соглашайся, – не унимался счетный карлик. – Деньги приличные, черти тебя дери, веский повод, чтобы фотогра-

фировать не только лица мертвецов, но и разные другие причуды богатеев!».

Почему всем нужна память о мертвецах? Не лучше ли фотографировать, скажем, красивых девушек, может даже в обнаженном виде?

«Я бы с удовольствием фотографировал голых женщин», – отметил Дитрих, блаженно улыбаясь.

– Согласен, – наконец, сокрушенно ответил он и разом весь осунулся, плечи обвисли, голова упала на грудь.

Гость едва заметно кивнул головой и исчез в дверях лавки, оставив его наедине с мешочком денег.

– Ну хоть парфюмом не намазался аки баба какая! – огрызнулся сквозь зубы Дитрих. Поднял мешочек с деньгами, задумчиво покусал ус. Спрятал монеты в карман, потом, поразмыслив, переложил их за пазуху. Подошел к витрине и долго смотрел на рекламную табличку, что-то бурча себе под нос. Отодвинул её, извлек из пыльного, засиженного мухами и жужелицами угла початую бутылку самогона и хорошенько отхлебнул.

– Пижоны! – крикнул сквозь витрину вдогонку незнакомцу. Но тот его не услышал, растворившись в толпе. Потом поменял табличку на двери с «Открыто» на «Закрыто» и прошамкал в свою коморку, не забыв прихватить бутылку.

2. Лица мертвецов

– Превосходно! Какой вид! Просто превосходно! – восторгался незнакомец. От бывшего его хладнокровия не осталось и следа.

Он жадно разглядывал фотографии, пересматривал их, то быстро, одна за другой, шурша карточками, то внимательно изучал подолгу каждую, разбирая самую мелкую деталь. С чёрно-белых снимков на него взирали застывшие восковые маски лиц – покойники были чем-то похожи друг на друга, может своей мраморной бледностью, а может умиротворением, что подарила им смерть.

Дитрих скривился.

Заказ был выполнен. Это многого стоило, положить спустя неделю десять фотографий с лицами мертвецов. Долгие уговоры местного гробовщика, в результате которых последний чуть не спустил на него собак. Однако к соглашению всё же прийти удалось – самогон и тугой кисет хорошего табаку оказались единственными вещами, способными заткнуть бурный поток ругательств и угроз, льющийся из беззубого рта гробовых дел мастера.

Заказ был выполнен, но от этого не было легче. Что-то тяжелое сковало сердце, отвращение и усталость овладели телом, а к горлу подступила тошнота. Думал – пройдёт. Не прошло.

– Я вас поздравляю! Вы отличный фотограф! – гость бережно переложил снимки в платок, завернул конвертом, спрятал во внутренний карман пиджака.

– Да, да, – рассеяно ответил Дитрих. Это всё из-за вчерашних возлияний – как всегда безмерное количество алкоголя и скудные закуски. А в итоге – чугунная голова, до краев полная боли и пустота где-то чуть ниже сердца.

А может и не похмелье – это вообще? Тогда что? Усталость? Из-за работы? Фотографировать покойников – это не для слабых духом. Дитрих не считал себя размазнёй, но с каждым новым клиентом, сквозь слезы просящим оставить память об усопшем, он ощущал, что сил терпеть уже нет. Какая пошлость, плотское безумие! Неделю назад вдова со своим застреленным мужем, потом этот тип. Этот сразу видно – из богатеньких. Тонкие ухоженные усики, не ровня клочковатой бороде Дитриха, полированные ногти, трость, хотя хромоты нет, просто так, как элемент стиля. Тьфу, смотреть тошно!

Дитрих сплюнул под ноги.

Продать бы всё оборудование, а может и вообще отдать за даром, лишь бы побыстрее, чтоб не видеть набивший оскомину этот деревянный аппарат, тяжёлую треногу, о которую он столько раз бился ногами, и после таскания которой всякий раз простреливало спину. Вылить все химикаты, от которых чешется в носу и глаза нестерпимо режет, банки разбить. Сжечь всё к чертям собачьим!

– Вы славно потрудились. Это в знак благодарности, – клиент вынул из кармана четыре монеты и положил на блюде.

– Золото? – сдвинув брови, выдохнул Дитрих.

– И в правду, золото, – подтвердил тот. – Это сверху той суммы. Благодарность. Хотите заработать ещё? – господин хитро улыбнулся.

«Ирод!», – стискивая зубы, подумал – проорал, – Дитрих.

– Сделайте столько же фотографий к третьему числу – получите в два раза больше, нежели за первый заказ.

Незнакомец выждал паузу. Утер ус. Кротко спросил:

– Согласны?

«Деньги сведут меня когда-нибудь в могилу», – вздохнул про себя Дитрих и тихо ответил:

– Согласен.

* * *

Ветер приносит забвеньё.

Холод сменяет дневную жару, приносит покой и гасит раскалённые окна домов. В вечерней серенаде сверчков проskalьзывает эхо спускающейся с гор грозы. Округу стягивают ремни мрака. Город отходит ко сну.

Иерихон – город, увидев который, уже больше никогда вновь язык не повернется назвать его так. Чумазные петляющие улочки, задыхающиеся в своей тесноте, кривые дома,

все как один с каким-нибудь изъяном, – то стена кривит, то угол косится, а то и вовсе окно выбито, – патологией, словно сборище прокаженных; угрюмые жители, похожие на бродячих собак, и собаки, похожие на местные дороги – плешивые и грязные. Деревня, удел, поселок. Всё что угодно, только не город.

Но когда-то – когда точно и уже и не помнит никто, – власть имущий решил иначе – коли есть почтовый дом, да рынок имеется, и больница с гробовщиком, а на главной улице – что за роскошь? – стоит неработающий фонтан, то быть сему месту городом и никак иначе. Это решение предрекло судьбу Иерихона.

Как у любого другого населенного пункта у Иерихона тут же появились свои болезни, присущие только городам – нищие, вору и глухой подслеповатый мэр.

Иерихон – кладбище домов, куда приезжают только отсидевшие свой срок заключенные с разбитыми судьбами и зубами – им некуда больше податься, они отвержены, и жить бок о бок с людьми им уже никогда не удастся. Иерихон же словно бесплодная мать, принимает любое существо за своё родное дитё, и поглощает его всего целиком, пристально за ним наблюдая и не давая возможности вырваться за пределы, раз и навсегда обрекая на медленное, длиною в жизнь, погружение в вязкие трясины времени.

Тут и время течёт иначе. Не бежит вовсе, ползёт змеей, что съела на обед отравленного мяса и, не замечая вовсе, как

яд проникает в кровь, умирает под палящим солнцем. Всё здесь агонизирует сквозь сон – так погибает амфибия, погруженная в зимний анабиоз и раздавленная случайно проехавшей телегой – слишком больно, чтоб терпеть, и слишком сильны обстоятельства, чтобы что-то исправить.

А ведь были времена – и Дитрих их помнил, – когда Иерихон цвел. И люди улыбчивее были, и фонтан на главной площади журчал. Куда всё ушло?

А может, и не было всего того? Приснилось? Мираж, разыгравшееся воображение, шутливая память? Старость, она приходит незаметно и порой преподносит такие шутки в виде ложного шлейфа былых воспоминаний.

За окном захлебываясь в злобе, залаяла собака, выводя Дитриха из задумчивости.

– Ну что, малый? – сказал сам себе Дитрих. – У тебя на руках куча денег и заказ – еще настолько же. Только желания выполнять его – никакого. Что делать?

Темнота не ответила ему. Дитрих отхлебнул из бутылки.

– Работать! Молод я еще чтобы по-стариковски ворчать и лениться. Вот скоплю денег побольше, куплю себе винный погреб, тогда и буду на жизнь жаловаться, дегустируя разные вина и коньяки. А сейчас надо идти к гробовщику. Благо трупов у него хоть отбавляй – прости Господи за такие слова!

И, заперев дверь лавки, позвякивая ключами, отправился в путь.

Насвистывая незатейливую мелодию, он, по обыкнове-

нию, своему пошел через рынок – этот шумный пестрый балаган толпы.

Там, на окраине города, почти у самого леса жил и работал гробовщик. С момента последней их встречи расставались они друзьями, даже обнимались на прощанье – бутылка крепкого чудного самогона творит чудеса и сближает абсолютно разных людей.

Дружба дружбой, но идти к гробовщику с пустыми руками – плохая примета, знамо – будешь обруган и бит. Поэтому Дитрих завернул в магазин и купил бутылку самого дешевого пойла – таким разве что крыс травить, – на табак, однако, пожалев денег, сославшись на то, что гробовщик и так стар, здоровье у него никудышное, курить ему только во вред будет.

Проходя мимо мясной лавки, по обычаю, коей приобрел с голодного сиротского детства, остановился, жадно разглядывая копченный итальянский окорок. Сосиски, колбасы, рулеты, нарезка – всё это было развешано по всей витрине, с чувством стиля, приятной витиеватой асимметрией, словно окантовка к бриллианту, а в самом центре всего этого великолепия благоухающий пряными травами и специями восседал на специально сконструированной подставке окорок. Красота во плоти!

– М-да, – приятно протянул Дитрих, давась слюной.

– М-м-а, – эхом отозвался скрежещущий голос за спиной.

Дитрих оглянулся... и оторопел. Больше от неожиданно-

сти, нежели от испуга он разом потерял дар речи, замер, не смея шелохнуться. Он сразу узнал это лицо – профессиональный взгляд фотографа и выработанная память против его воли выдали ему всю необходимую информацию. Перед глазами невольно всплыла рыдающая вдова, оплакивающая своего мужа. Та самая, что хотела чучело из суженного сделать.

А он и не умер вовсе.

Прошиб холодный пот.

Поверить в такое сразу не удалось. Пришлось закрывать глаза, считать до десяти и вновь дивиться. Муж той взбалмошной дамочки. Стоит. Как есть – живой. Конечно, Дитрих помнил его. Не может быть тут никакой ошибки.

«Фрэнк, кажется, его зовут Фрэнк», – подумал Дитрих. А потом голос разума прошептал: «Он же голоден. Ишь как на мясо пялиться».

Могло ли быть такое, чтобы покойник вдруг и не умер вовсе? Возможно, просто похожий на него человек? – бывает ведь такое. В жизни всяко бывает. А возможно, кто-то что-то перепутал? – и такое тоже бывает. Всё возможно, если не одно обстоятельство – Дитрих сам видел труп, сам крепил треногу к телу, гримировал мертвенную бледность кожи, укладывал выбившиеся локоны, чувствовал от тела запах ледяного холода, умершей плоти. Смотрел на мертвеца, смотрел долго, ибо выдержка светочувствительной рамки фотоаппарата рассчитана была – как минимум! – на десять минут. Де-

сять минут лицемерия на труп.

А теперь покойник тут. Стоит. Смотрит на витрину.

Дитрих вновь зажмурился, тряхнул головой и, не осмелившись открыть глаза, пошел попятился прочь.

Потом, уже отойдя в сторону, открыл глаза и, всё же подавшись слабости, оглянулся. Тот, кто так сильно его напугал, продолжал стоять у витрины и что-то бормотать. Лица не было видно – только сутулая спина, – и это немного успокоило Дитриха.

«Наверное, устал», – подумал он. «Показалось. Ей-богу показалось!».

Потом поглядел на купленную в лавке бутылку в дрожащих взмокших руках и тихо произнес:

– На сегодня никаких гробовщиков.

Вытер рукавом рубашки пот со лба и, шатаясь, побрел в свою лавку.

3. Последний клиент

– О! Это вы? – женщина была явно удивлена.

– Да... я... – гость на пороге растерялся, словно и сам не ожидал от себя такой наглости прийти сюда.

– Вас зовут, кажется, Дитрих Штеф?

– Штоф, но это не важно.

Дама выждала паузу, но гость не заговорил, продолжая нещадно теревить в руках край жилета.

– Что же привело вас ко мне? Я, признаться, удивлена увидеть вас вновь, да еще и на пороге своего дома. Заказ вы выполнили, я с вами рассчиталась. Или я ошиблась с суммой?

– Нет, нет! Не ошиблись, просто...

– Тогда потрудитесь ответить, что вам нужно? У меня больше никто не умирал, поэтому услуги мне ваши пока не нужны. Да и к тому же я занята.

– Дорогая, кто там? – донёсся мужской голос из глубины дома. Необычный акцент выдавал в нём приезжего.

Женщина вспыхнула румянцем, растерялась, выскочила на порог, тут же прикрыв за собой дверь.

– Это мой двоюродный брат, – быстро произнесла она. – Приехал по случаю кончины Фрэнка. Что вам вообще надо от меня?!

– Понимаете... я... тут такое дело... ваш муж... может быть это вам покажется странным...

– Что происходит? – дверь открылась, и на пороге возник по пояс голый поджарый парень, на вид толи испанец, толи цыган. Его исцарапанная грудь окончательно смутила Дитриха.

– Двоюродный брат, – словно оправдываясь, пояснила вдова, перехватив растерянный взгляд Дитриха. Потом ядовито посмотрела на «брата», задыхаясь от обилия слов, не смогла ничего членораздельного сказать, фыркнула и отвернулась в сторону.

Неловкая пауза выжгла остатки мыслей и Дитрих, нещадно терзая свою шляпу, не нашел ничего лучшего как спросить:

– Как прошли похороны мужа?

– Замечательно. То есть хорошо. То есть... ну как обычно проходят похороны? – мы попрощались со своим любимым Фрэнком и предали его земле. – Вдова утерла сухие глаза. – Потом лёгкое вино в дань памяти, музыка, траур... А зачем это вам знать?

– Я просто интересуюсь, – Дитрих похлопал себя по карманам. – Я тут на днях пересчитал чеки и платежи, и обнаружил, что вы немного переплатили мне. Вот, принес сдачу. Поэтому, собственно, и зашел. Вот. Прощайте. Извините за беспокойство. Еще раз примите мои соболезнования.

Дитрих ссыпал в бледные ладони вдовы всю мелочь, полученную им при покупке вина, и поспешно ретировался, сделав неумелый реверанс шляпой.

– Чудной он какой-то, – прошептал испанец вдове и они, взявшись за руки, зашли в дом.

* * *

Всю ночь Дитриха терзали кошмары.

В одном из них он убегал от пьяного гробовщика и всё никак не мог оторваться от преследования, постоянно спотыкался, падал, загребая ртом землю. Потом ему чудились общипанные куры, розовые и уродливые, как новорожденные мышата, норовившие больше всего клюнуть его за ноги. А под утро и вовсе приснился Фрэнк, полуистлевший, поднимающийся из могилы, а Дитрих, оказавшийся почему-то вдруг голым по пояс под жарым испанцем с расцарапанной грудью, всё пытался сфотографировать вдову и никак не мог её усадить на стул, она постоянно вертелась, говорила, что опаздывает на похороны и что если не успеет, то все напьются, не дожидаясь её.

Проснувшись разбитым, как вчерашняя бутылка из-под самогона, Дитрих протер глаза и принял тяжелое, но такое желанное для себя решение, о котором так давно мечтал, но всё никак не насмеливался воплотить в жизнь. Подложив руки под голову, лёжа на кровати, он с улыбкой приговоренного к смерти, которого внезапно оправдали и отпустили на свободу, торжественно произнес в потолок:

– Дамы и господа! Салон фотографий мастера Дитриха

Штофа закрывается навсегда!

«Как закрывается? Неужели закрывается?» – загалдели голоса в голове – Идеальные Покупатели, о которых он так долго мечтал, но так и не дождался, и просто выдумал, потому что жить без Идеального Покупателя никак нельзя, ведь то не жизнь уже получается, а так, существование.

– К чертям! Закрываюсь! Я сказал! – воскликнул Дитрих и бухнул ногой по кровати. Получилось криво, серьезности к словам не прибавило, лишь заныло в колене.

«А как же заказ мистера Тонкие Ухоженные Усы?» – ехидный голос, по-кошачьи растянувшись где-то под затылком, зародил сомнение в душе. Злобный Карлик-счетовод.

– А ведь и, верно. И предоплату он дал. Не хорошо получается.

«Не хорошо», – промурлыкал голос.

– Деньги ему отдам! Чего мне? Не жалко. – Тут же нашелся Дитрих.

«Не держишь обязательства. Что же ты за человек такой? Взял деньги, обещал клиенту, что выполнишь его заказ, он сидит, ждёт, надеется. Верит в тебя. А ты ему... Кстати, у тебя и денег-то уже не осталось».

– Как не осталось?!

«Легко и просто. Посчитай: расходы на вино, еду, табак. Вспомни, кто вчера в пьяном угаре одноногому нищему танцору монеты сыпал от щедрот своих?».

– Это я погорячился, – опуская глаза, смущенно сказал

Дитрих.

«Угу, погорячился», – в тон ему ответил голос.

– И что делать?

«Выполнить заказ, забрать оставшиеся причитающиеся тебе денежки, а там уже и закрываться. Или не закрываться и продолжать работать. Чего тебе на старости-то лет жизнь менять вдруг захотелось? Не поздно ли? Сиди себе в тепле, фотокарточки окунай в реактивы да радуйся, что крыша над головой есть».

– Цыц! Надоело! Денег мне вполне хватит на безбедную старость. По крайней мере, на хлеб с вином уж точно. А группы фотографировать – сил нет! Заказ исполню – это да, раз обещал, то исполню, верно говоришь, негоже обещания не исполнять. А потом закроюсь! Навсегда! Я сказал!

«Дурак ты!», – бросил голос и исчез в потоке выплывших ругательств и стыда за вчерашние пьяные похождения.

* * *

– Вы сегодня выглядите... уставшим? – с трудом подбирая нужные слова, мистер Тонкие Усы с любопытством оглядел Дитриха. – Что-то случилось? – он насторожился. – Вы не выполнили мой заказ?

– Нет, заказ я сделал, как просили. Вот фотографии. Конверт небрежно упал на стол.

– А что же тогда? Хотя, наверное, это не моё дело.

– Я лавку закрываю, – едва слышно сказал Дитрих.

– У вас обеденный перерыв? – спросил клиент, уже в пол уха слушая Дитриха, всё больше погружаясь в разглядывание фотографий.

– Нет, насовсем закрываюсь. Надоело. Устал я.

– Что ж, признаться, я несколько огорчен. – Тонкие Усы с трудом оторвался от лицезрения карточек. – Вы мне понравились как мастер, лишних вопросов не задаете, работу в срок выполняете. Я хотел ещё вас заказами снабдить...

– Упаси боже! Вся эта мертвечина, это же жуть какая-то!

– От чего? Напротив. Мертвый человек – самый лучший человек. Он не кричит, есть не просит, революций не устраивает, истерик не закатывает. Идеальный человек, – гость непринужденно рассмеялся.

– Вы так странно говорите.

Тонкие Усы вновь рассмеялся.

– Вы не первый от кого я это слышу. Ну да ладно, – гость отточёнными движениями поправил галстук. – Рад был с вами работать... кстати, мы ведь даже не знакомы.

– Дитрих Штоф.

– Себастьян Корб.

Они пожали друг другу руки.

Дитрих долго мялся, жевал ус, потом всё же осмелился и спросил.

– Скажите, а зачем вам фотографии мертвецов? Просто любопытно очень. Обещаю, ничего никому не скажу!

– Мистер Штоф, чем же вы тогда будете заниматься, когда закроете магазин, как не гадать об этом, строить самые фантастические предположения? – Корб улыбнулся. – Наверяд ли мой ответ будет равносителен по интересу той гипотезе, что вы выдумаете про меня. Фантазия всегда интересней реальности. Пусть это будет моей маленькой тайной.

– Ну, это вы зря. Иногда в жизни случаются такие вещи, в которые трудно поверить, – сказал Дитрих. Он готов был уже рассказать этому малознакомому человеку про то, как увидел приведение, может даже угостить вином, излить душу о наболевшем, но гость резко встал, показывая, что продолжать беседу не намерен и, еще раз пожав руку, сказал напоследок:

– Если передумаете закрываться, сообщите мне об этом. Вот моя визитная карточка.

И ушел, оставляя Дитрих наедине со своими мыслями.

4. В гости к гробовщику

– Я хотел вас убить!

С этих слов началось еще одно хмурое утро.

– Чего же я вам...

– Я хотел вас убить, честное слово! Вы мошенник! Я заплатил вам крупную сумму денег, а вы обманываете меня, халтурите!

– Да объясните же вы, наконец, в чём дело?!

Корб, стоящий на пороге лавки, закрыл глаза, глубоко вдохнул. Выдохнул. Его тонкие усы дрожали, едва не искрясь от наэлектризованного гнева. Потом, чуточку успокоившись, он начал говорить, медленно, тщательно выговаривая каждое слово:

– Фотографии. Мой заказ был предельно прост – фотографировать мертвецов. Мер-тве-цов – это значит умерших, погибших, покойников, не живых. А вы... мошенник!

И тут до Дитриха стала доходить суть происходящего. Он привычным жестом пригладил бороду, облизал потрескавшиеся губы; щеки налились здоровым румянцем.

– Как, вы были у гробовщика?

– Что?

– Понимаете, тут такое дело... вторая серия фотографий... у гробовщика на тот момент было одиннадцать трупов, но двое из них никуда не годились – одному в драке куз-

нец голову молотом размогил, там от головы ничего толком не осталось – так, труха одна. А второй со скалы навернулся, в мешке по частям лежит, мы даже открывать не стали – побрезговали. Понимаете?

Дитрих виновато опустил глаза, стал нещадно выкручивать свои пальцы.

– Вот мы и решили схалтурить, морду гробовщика заснять. Вы только не ругайтесь, гробовщик, когда напьётся, и вправду на покойника похож становится – глаза стеклянные, лицо серое. Я готов вернуть пропорциональную сумму за эту фотографию. Ну не было больше трупов, сами поймите! – взмолился он. Потом тише добавил: – Извините.

– О чём вы вообще говорите? – Корб растерялся от обилия слов, выпущенных Дитрихом. Его поток гнева угас, оставив лишь непонимание.

– О второй партии фотографий. Трупов говорю, не хватило. Вы сказали десять фотографий сделать, а там приличных трупов только девять. Каюсь, обманули. Но не мозги же фотографировать, ей-богу!

– Так вы еще меня и там обдурили?!

– Только там, как вы выразились, и обдурил, хотя слово «обдурил» имеет какой-то оскорбительный, неприятный оттенок, давайте лучше скажем...

– Вы мошенник! В двойне мошенник! Две подделки – это уже слишком!

– Почему две, господин Корб? Одна, я же вам объяснил

уже. Признался, а чистосердечное признание, это сами понимаете, дорого стоит.

– Что вы мне голову морочите?! В первой фотосессии... вот... – Корб вытащил фотографии, пролистал их как игральные карты, вытянул одну, нужную, сунул Дитриху под нос. – Вот. Этот человек, он не мертв! Я сам лично видел его своими глазами, живого! У меня отличная память на лица, можете не сомневаться. Живехонький он! Что вы на это скажете?

Дитрих взглянул на снимок. Скуловатое лицо, острый с горбинкой нос, шрам на лбу. Припомнились кое-какие детали. Он фотографировал этого покойника вторым по счёту, гробовщик что-то рассказывал про него, но запомнилось лишь одно – умер бедняга от отравления.

– Вы что-то путаете. Этот человек мёртв, – как можно мягче сказал Дитрих.

– А может, это вы что-то путаете? Может это и не покойник вовсе, а очередной ваш знакомый?

Дитрих еще пристальней всмотрелся в фотографию.

– Господин Корб, я сожалею, что обманул вас с фотографией гробовщика, но сейчас я говорю с вами откровенно – подделка была только во второй серии снимков. В первой партии все мертвецы, мертвее не бывает.

– Что же вы хотите сказать? Он ожил что ли?

От этих словно что-то кольнуло под сердцем, перед взором Дитриха вдруг возник Фрэнк, горбатый, неуклюжий,

глазеющий на витрину мясной лавки. Холодок пробежал по коже.

– Господин Корб, я верну вам все деньги, только прошу об одном – давайте вместе сходим к гробовщику, и я вам докажу, что тот человек на снимке мертв. Тут что-то происходит непонятное.

Дитрих потрогал свой лоб – температуры нет. Но ощущение такое, что вот-вот закипит котелок. Не громко сам себе сказал:

– Кажется, я начинаю сходить с ума. Некоторые люди, которые, как я был абсолютно убежден, мертвы, вдруг оживают. Чертовщина какая-то.

Корб нахмурил брови, взглянул на Дитриха – старик вызвал серьезные опасения за своё здоровье, – потом сказал:

– Хорошо, я согласен. Но если окажется, что вы меня обманули, я разрываю с вами сделку, и вы возвращаете мне деньги. Все до последней монеты!

– Если окажется, что я вас обманул, то я прямиком иду в больницу.

...Шли молча. Сквозь толпу, по базарной площади. Было видно, что Корб не привык к многолюдным местам, норовил потеряться и всё время отставал, засматриваясь на красивых особ женского пола. Дитрих лишь нетерпеливо ждал его, переминаясь с ноги на ногу. Когда проходили мимо мясной лавки Дитрих, на всякий случай перекрестился, шараха-

ясь в сторону от странных чавкающих звуков, доносившихся изнутри лавки.

Лавка была закрыта.

– Вы чего-то испугались? У вас вид, будто вы привидение увидели.

Дитрих нервно хохотнул.

– Мне кажется, что видел.

– О чём вы?

– Не важно. Пойдёмте. Тут недалеко, если мы по тропинке срежем. Осторожно, лужа, не запачкайте ботинки!

Они пробирались по тесным переулкам, два раза пролезали через разинутые дыры в заборе и оцетинившиеся заросли нестриженных кустарников (Корб ворчал, но покорно шел вперед), пока не уперлись в обветшалое серое здание. На двери висела выцветшая табличка.

– «Гробовых дел мастер Антон Хер», – прочитал Корб.

– На самом деле – Хернст. Просто буквы отпали в конце, табличку всё забывает обновить.

Корб фыркнул в сторону, позвонил в сильный колокольчик.

– Гробовщик тугоух. Колокольчик для красоты висит, – пояснил Дитрих и мощными ударами кулаков обрушился на дверь. Та жалобно заскрипела, выгнулась, но устояла под неистовым напором гостей.

– Иду, иду, иду, – заворчал кто-то за дверью. Лязгнул замок. – Чего надо?

На пороге возник тощий сутулый старик с непропорционально длинными до самых колен руками. Щурясь от солнца, пристально разглядел гостей. Один его глаз как бешеная собака на привязи всё метался из стороны в сторону, второй же, пораженный катарактой, безучастно и слепо глядел в бок.

– А, снова ты! Заходи. Парнишку себе в прислуги взял? Это правильно, ей-богу. Помрешь, кто щелкать будет? Ножом-то я умею управляться. Тут ума особого не надо. Выучить за полдня смогу, если понадобится, кого угодно. А тебе чтобы передать, значиться, умения твои, навыки, надо уйму времени затратить, как мне думается, это да. А аппарат где? Ты, небось, опять той гадости взял? Тогда чуть не ослепли с неё. Не буду её больше пить! А фотографироваться можно. Мне понравилось!

– Антон, мы не фотографировать пришли...

– А у меня спирта нету! Я сразу скажу – чего тайны-то таить. Нету спирта. Не проси даже! Не дам!

– И не за спиртом. Узнать хотели. Вот про этого.

Дитрих достал фотографию.

Гробовщик схватил своими длинными, но как оказалось очень ловкими пальцами карточку, тщательно рассмотрел её одним глазом, обнюхал, попробовал на зуб, ковырнул уголок заскорузлым ногтём.

– Забавная эта вещь – фотокарточка, ей-богу! Раньше картины рисовали, портреты, а сейчас – чик! – и готово! – улыб-

нулся он, обнажая гнилые зубы. – Ну проходите давайте, коль не за спиртом.

Зашли внутрь. В комнате было прохладно, после жаркой пыльной улицы в самый раз. Огромная, размером с повозку, глыба льда, специально сюда привезенная и покоящаяся у дальней стены, создавала в помещении необходимую температуру.

Корб вытер взмокший лоб, стал осматриваться; отошел в сторону, разглядывая каталки и различные медицинские приспособления. Посмотреть было на что. Различного размера резак, от крохотных, не больше мизинца младенца, до огромных, мясницких, коими антрекот кромсать в самый раз, пилы, зубила, черпаки и иные причудливые приспособления, о назначении которых можно было только с ужасом догадываться.

Отшатнувшись от разложенного инструментария, неуверенной походкой Корб приблизился к столам, где лежали трупы. Украдкой внимательно изучил их. Потом, бледный, толи от холода, толи от вида покойников, быстро вернулся к Дитриху и гробовщику.

– Дитрих, – шепнул он. – Здесь все девять человек с фотографий. Не хватает только одного. Того самого.

Дитрих неопределенно покачал головой. Спросил:

– Антон, расскажи про этого человека, что на фотокарточке.

Покойницких дел мастер еще раз глянул на фотокарточку,

неопределенно ответил:

– А чего рассказывать? Мертвый он. Помню, привезли его ко мне. Вот и все. Чего еще надо-то?

– Он еще в морге? – вмешался в разговор Корб – Можете нам его показать?

– Не могу. Я закопал его уже. Похоронил. Чего почём зря разлёживаться? – гробовщик вернул карточку. – Закопал, да, именно так. Закопал и всё тут. Пусть земля ему будет, как говорится. А лежать у меня тут, место занимать, это я не позволю. Не для отдыха лежаки тут делали, чтобы...

– Посторонись! – крикнули позади, и Корб от неожиданности отпрыгнул в сторону.

Двое крепко сбитых парней с одинаковыми похожими на тыкву головами и взглядами, не обременёнными мыслью, вкатили в комнату тележку, на которой, подрагивая от тряски, лежало тело. Грязная с желтыми пятнами простыня съехала вниз, открывая жуткое лицо покойника. Рукоять ножа утопала в левой глазнице, открывшийся рот скривило в последнем беззвучном крике.

От этого вида Корб только охнул, еще сильнее побелев.

– Видал? – деловито произнес гробовщик. – Умирают как собаки. Каждый день привозют. А мне управляйся тут с ними. Так говоришь, нету у тебя выпить, да?

– Что случилось, господа? – из тёмного закутка подсобки выскочил еще один мужчина. Двумя жестами быстро распорядившись положить тело в нужное место, он подошел

к присутствующим. Движения его были плавны и в какой-то мере даже гипнотизировали. Желчное бритое худое лицо, словно маска не выражало никаких чувств. Протерев монокль об халат, и обхватив его бровью и щекой, словно беззубым ртом, незнакомец пристально изучил гостей.

– Они не туда попали, ей-богу! – протараторил гробовщик, спешно выпроваживая Дитриха и Корба в спину. – Болваны, что с них взять! Идите давайте, подобру, как говорится!

Дверь с надсадным треском захлопнулась, отторгая Дитриха и Корба из приятной прохлады в летнюю липкую жару.

– Я же сказал, что человек на фотографии мертв, – произнес Дитрих, отряхивая пыльные штанины.

– Слова полупьяного для меня не являются доказательством! Я не видел главного – тела. – Корб взглянул на Дитриха. – Признайтесь честно, что вы схитрили. Зачем весь этот балаган?

Дитрих, не вытерпев, сплюнул под ноги, с досадой махнул рукой.

– К чёрту! Всех денег не заработать! Верну я вам всё. Завтра верну. Если желаете, занесу прямо домой к вам. А сейчас позвольте с вами распрощаться. Надеюсь, дорогу домой вы найдете без меня? Признаться, надоело мне всё это. Терпение лопнуло! Надо горло смочить, у меня, кстати, сегодня праздник – я закрываюсь!

5. Начало безумия

– Кто эти люди?

– Да так. Знакомые.

– Антон, ты же меня знаешь. Я шутки шутить не люблю.

Я тебе голову отрежу.

– Я же говорю, просто знакомые.

– Знакомые? Как зовут?

– Старика вроде Дитрихом величают.

– А тот, худой, с усами?

– Того я впервые вижу.

– Не ври мне.

– Я не вру. Честно.

– Зачем они приходили?

– Просто так.

– Просто так, паскуда, к тебе никто не ходит. Ты гробовщик, а не продавец ванильной карамели чтобы к тебе просто так ходить! Выкладывай всё на чистоту!

– Да, я...

– Видишь скальпель? Я тебе глаза вырежу. Я тебя на ремни располосую, я тебя...

– Фотографировать приходили!

– Фотографировать?

– Да. Это как картину нарисовать, только быстрее и натуральнее.

– Знаю я что это такое. Что они фотографировали?

– Как что? Трупы.

– Трупы?! Трупы?! Я тебя, паскуда, сейчас четвертую!

– За что?! Не надо! Ой-ёй!

– Иди сюда! Вылезай из-под стола!

– Нет!

– Живо!

– Не надо меня убивать!

– Зачем им эти фотографии?

– Не знаю! Честное слов не знаю. Дитрих не говорил. Может, этот, – как его? – пост мортем?

– У этих трупов, паскуда, родственников нет! На кой дьявол ему этот пост мортем? Тут что-то другое. Не спроста всё это. Ты разговаривал с ними обо мне?

– Нет! Конечно, нет! Как я мог?

– Смотри у меня! Если кто-нибудь узнает обо всём, что тут творится, я тебя живьём закопаю! Ты меня понял?

– Конечно понял, отчего не понять?

– Вот тебе скальпель, иди к старику и убей его.

– Что...

– А потом убей того, усатого. И смотри, аккуратнее, чтобы тебя никто не увидел.

– Они же не виноваты! Они ничего не знают!

– Виноват ты! Позволить запустить их сюда, да еще – подумать только! – разрешить фотографировать трупы! Ты болван! Денег хотел подзаработать? Я тебе мало плачу?

– Нет-Нет! Хорошо платите.

– Ты совершил ошибку. Я этого не люблю. Но время ещё есть всё исправить. Иди и убей их. Обоих. Иначе я убью тебя.

* * *

Это был обычный дом, ничем не примечательный, может, чуточку больше и с медными начищенными до блеска дверными ручками, не в сравнение с другими домами, где дверные ручки сделаны были из дерева и ржавых гвоздей, а то и вовсе отсутствовали. А тут круглый полированный набалдашник, в руке сидит как влитой, так и охота рвануть на себя.

На стук долго не открывали, Дитрих думал уже уходить, как раздались торопливые шаги, и дверь распахнулась.

– Добрый день, – сказал Дитрих, сняв шляпу. – Я деньги принёс. За не выполненный заказ.

Корб, взмыленный, с растрёпанными волосами и глазами, не по обыкновению своему округленными, даже не взглянув на деньги, схватил Дитриха за шиворот и живо втащил в дом, с грохотом захлопнув дверь.

«Будет бить», – подумал Дитрих, примериваясь взглядом к чугунной статуэтке голой бабы – в случае чего такой и отбиться можно.

– Дитрих! Дитрих! – Корб будто сошёл с ума. Не в силах сказать что-либо ещё, он вцепился ему в локоть и стал судорожно трясти, постоянно оглядываясь на дверь.

– Что случилось? Что с вами?!

– Я видел, Дитрих! Видел своими глазами!

– Что видели?

Корба этот вопрос словно поставил в тупик. Он задумался, что-то пробубнил себе под нос, потом растеряно поглядел на Дитриха и, не зная с чего начать, спросил:

– Вы пьете?

– Бывает, – смущенно ответил тот.

– Да, действительно, надо выпить. Мысли придут в порядок. Боже, я ведь действительно это видел, своими глазами!

Корб метнулся к журнальному столику, туда, где стоял графин, трясущимися руками с трудом наполнил стакан прозрачной жидкостью, половину расплескав. Протянул гостю. Дитрих отхлебнул чуток и с удивлением обнаружил, что это крепчайший шотландский самогон, какой пьют только самые отъявленные моряки. Таким напитком согреться можно даже в самый холодный шторм. А как уж он бьет в голову, о том легенды ходят.

Свой стакан Корб осушил в два глотка, скривился, не удержавшись, закашлялся. На глазах навернулись слёзы.

«Силён!» – с почтением подумал Дитрих, глядя на покрасневшееся лицо Корба. Потом, перекрестившись, последовал его примеру. Словно и не жидкость вовсе, а смесь из стекла и расплавленного металла залилась в утробу, прожгла горло, желудок, растеклась огнем по животу. Стало тепло, приятно.

Они уселись в кресла у камина, Корб плюхнулся глубоко, небрежно, закатив глаза, Дитрих присел на самый краешек.

– Я деньги принёс, – повторил Дитрих не громко. Протянул мешочек.

– Нет, деньги оставьте себе. Вы меня не обманывали.

Корб посмотрел на Дитриха круглыми полными ужаса глазами. В них уже искрились хмельные огоньки. Севшим голосом прошептал:

– Я видел мертвеца!

Словно обожгло уши. Дитрих скривился, с неохотой спросил:

– Какого мертвеца? Это вам должно быть почудилось!..

– Нет, не почудилось! Я вправду видел! У меня очень хорошая память на лица. Я не мог ошибиться.

– Бросьте, Корб. Это от усталости. Мне вот иногда тоже кажется, что по улице гуляют люди, которые мертвые уже как вроде. Но мы-то с вами, взрослые люди, понимаем, что такого не может быть. Это от усталости, точно говорю, – Дитрих нервно рассмеялся.

Корб веселиться и не думал. Он наклонился вперед, ближе к Дитриху, и, словно опасаясь, что его слова могут услышать посторонние, едва слышно прошептал:

– Тот морг, вы помните? И зачем я только согласился на ваши уговоры идти туда? Я видел там всех мертвецов, которых вы снимали. Решил удостовериться, что вы меня не обманывали, а фотографировали именно покойников.

Будь я проклят, если в тот момент они не были мертвы! Мертвее не бывает! А потом... я возвращался домой, зашел в пару лавок. И уже почти у самого дома... идёт навстречу! Вот его фотография, на столе.

Дитрих глянул на стол. Там тыльной стороной вниз лежала фотокарточка. Он поднял снимок, поглядел на лицо. Да, этот точно мёртв. Дитрих тоже его помнил.

– Он живой, идёт навстречу, переваливается так, неуклюже, лицо синюшное. Я глазам своим не поверил. Пригляделся – точно он! Живой! Дитрих, слышите? Жи-вой!

Корб вновь схватил Дитриха за локоть и начал трясти.

Дитрих хотел сказать, что такого просто не может быть, но перед глазами всё кружила мясная лавка и тот... кто? призрак? хмельной туман? живой человек?

– Это от усталости, – наконец прошептал Дитрих, но не поверил своим словам.

– Дитрих, я сошел с ума? – с надеждой спросил Корб.

– На сумасшедшего вы не похожи. А если и так, то тогда я тоже безумен, – Дитрих поднёс стакан к губам, но тот оказался пустым.

– Я принесу ещё, – спохватился Корб. Встал, слегка запинаясь, ушел в другую комнату. Долго гремел стеклом, ругаясь.

Дитрих поднялся, его тут же начало качать – он понял, что шотландский самогон уже порядочно ударил в голову. В ожидании новой порции крепкого пойла решил оглядеть-

ся.

Богатое убранство комнаты не сразу бросилось в глаза. Всё сдержано, строго, без лишней помпезности. Но одного прикосновения к столу хватило, чтобы понять, что сделан он из красного дерева, а углы оббиты серебряными резными вставками. За такой надо выложить кругленькую сумму. Работа мастера.

Стены украшены шпалерами тонкой работы, в углу светильник, отполированный до зеркального блеска. Около оббитого кожей кресла удобно расположился небольшой шкаф, забитый толстыми фолиантами.

Каждая вещь здесь пахла чем-то безумно дорогим – кожей, ароматным табаком, заграничными пряностями, столетним дубом, духами из последних коллекций парфюмеров. Дитрих спрятал руки в карманы, боясь дотронуться до чего-нибудь и обесчестить эту чистоту своими пропахшими щелочью и кислой капустой заскорузлыми пальцами.

Ещё одной особенностью комнаты были картины, в невероятном количестве висели они на стенах, и еще с два десятка лежало в углу, словно ожидая своей очереди. На одних были изображены неизвестные ему люди, в странных одеждах-накидках, а то и вовсе голые, на других – пейзажи, до боли знакомые сердцу – Иерихон и его окрестности. Вон вид на озеро, вон каменный утёс, где в прошлом году разбился Отрыжка-Роб, вон лес, с другой стороны которого живёт гробовщик.

Дитрих поежился.

Захотелось выпить ещё.

Словно читая его мысли, в комнату вернулся Корб.

– Красивые картины, – произнес Дитрих, благодарно принимая из рук Корба наполненный стакан.

– Это мои картины. Я – художник.

– Ваши? То есть вы их нарисовали?

– Да.

– Очень красиво, правда. А вот этот дядька – это ваш родственник? Может дед? Похож чем-то.

Корб смутился.

– Это же Юлий Цезарь!

– Цезарь, – эхом повторил Дитрих. – Да определенно есть сходство с вами. Все-таки дед, я прав?

Корб невесело улыбнулся. Потом глаза его заблестели, он поставил стакан на стол и махнул Дитриху рукой.

– Пойдёмте, я покажу вам свою последнюю работу.

Они миновали коридор, поднялись по винтовой скрипучей лестнице на второй этаж и очутились в мастерской.

Среди всеобщего хаоса холстов, бумаг, набросков и банок с краской посреди комнаты стояло полотно, огромных размеров, около двух метров в высоту и трёх в длину. Картина была ещё не завершена, но и то, что было нарисовано, заставило Дитриха мгновенно протрезветь.

– Так вот вам зачем понадобились фотографии мертвецов... – хлопнул он себя по лбу.

Корб улыбнулся. Пояснил:

– Картина называется «Падение города». Как вам? Нравиться?

Дитрих подошел ближе. От неоднозначности чувств раскрыл рот.

Город – несомненно, Иерихон, – главная площадь, на которой нарисованы люди. Они в панике, в той стадии её, когда ещё миг и безумство ослепит глаза, и они рванутся напролом, прочь, подминая всё живое под себя, не различая штыков и ям, лишь бы спастись, уйти прочь из западни. Дома превратились в развалины – камни и пыль. Кого-то придавило обрушившейся стеной, среди обломков видны части человеческих тел. Горят соломенные крыши. Маслянистый дым стелется по земле. Собаки надрывно лают, но предотвратить случившееся уже не могут. Солдаты храбро защищали город, но теперь они мертвы – их тела подмяла под себя вражеская конница, на копьях висят ошметки тел. Лица погибших, маски смерти, выражение боли. Эти лица, эти гипнотические лица, так знакомы! Проклятье!

– Погибшие люди на картине... вы срисовали их с моих фотографий. Но зачем?!

Дитрих смахнул холодный липкий пот со лба, нервно стал почесывать свою бороду.

– Достоверность, – ответил Корб. На его лице играла едва заметная улыбка – он был доволен, что его работа произвела впечатление. – Для меня каждая деталь имеет значение.

Не хотел срисовывать мертвецов с живых людей, – суеверный я в этом плане, – поэтому обратился к вам.

– Будь проклят тот день, в который я родился! Эта картина – у меня холодок по спине пробежал! Господи, а местность! Я знаю этот район – это ведь центральная площадь.

– Верно.

– А зачем?.. – Дитрих не смог сформулировать вопрос до конца.

– Иерихон – это то место, о котором я узнал случайно. Был как-то раз проездом. Как увидел, сразу понял – здесь будет написана моя следующая картина. Видите ли, места для меня имеют огромное значение. Они дают мне силы, вдохновение. Это не увидеть глазами, только почувствовать на уровне сердца. Пространство начинает оплетать тебя невидимыми жгутами силы и уже невозможно вырваться. Иерихон – как раз такое место. Место силы. Но силы тёмной. Такое тоже бывает. Поэтому картины получаются несколько мрачными. Я долго продумывал сюжет, подбирал ландшафты, но, увидев этот город, отбросил всё. Просто начал рисовать первое, что пришло в голову. Сделал сотню набросков и эскизов. Ходил по городу, смотрел. А потом меня словно осенило. Словно пришло откуда-то сверху. И я начал писать эту картину.

Корб, довольный реакцией Дитриха, утёр ус.

– В основе картины лежит один библейский сюжет. Там рассказывается...

Дитрих качал головой, то, подходя к холсту вплотную, то,

рассматривая издалека. Взгляда он был весьма отстраненного и едва ли слышал и части слов Корба – был весь погружен в изучение шедевра.

– Странные вы художники, – перебил он Корба, наконец, вынеся он свой вердикт.

– Чем же это? – смутился Корб.

– Всё меня этот вопрос мучает – зачем рисовать картины, когда давным-давно изобретён фотографический аппарат? Увидел нужный пейзаж, сфотографировал. Конечно, с сюжетами такого рода сложнее будет, но ведь можно и актёров нанять. Тех денег, которые вы мне отстегнули ради фотографий, хватило бы с лихвой, еще бы и на лошадей осталось. Постановку устроить. Как в театре. Конечно, с фотографией такого размера повозиться нужно будет. Я вот тоже хочу подобного рода делом заниматься. Потом, когда время появиться, в своё удовольствие. Нынче, знаете, такое приходится фотографировать... не приведи Господь. Может, слыхивали? – дагеротипия? – отталкивающая, скажу я вам, вещь. А ведь пользуется спросом.

Корб неопределенно кивнул головой.

– Лучше уж фотографировать природу, – продолжил Дитрих. – Приятнее глазу.

– Фотография чёрно-белая, картина в цвете. И это только самое поверхностное объяснение, какое можно привести в пример. Картина – это искусство. А фотография – так, ремесленничество.

– Фотографию и раскрасить можно – тут ума особого не надо. А искусство, не искусство – какая разница? Результат-то один. Захотел я сделать чей-нибудь портрет, взял и снял его на аппарат, быстро и просто, пока вы будете возиться с красками. Да ещё не так что-нибудь нарисуете, где приврете, нос больше намалюете, губы толще – всякое может быть, рука, к примеру, дрогнет. А у меня всё без вранья. Какой есть, такой и получится. Механизм не соврет, он всю правду покажет. Искусство-то ведь оно для этого и нужно, я так уразумею, чтобы правду показывать.

– Глупые споры, – отмахнулся Корб. – Фотоаппарат и краски – это только инструмент в руках творца. А как он поступит с ними дальше – это уже другой вопрос. Не даром первый способ получения фотографии придумал художник.

– Неужели? – удивился Дитрих.

– Представьте себе. Жозеф Ньепс, так его звали. Он стал первым человеком сумевшим закрепить «фотографический» снимок на бумагу. Поймать, так сказать, свет и сохранить его. Гений! Он сфотографировал свой вид из окна. Экспозиция снимка продолжалась восемь часов! Карточка, конечно, так себе, качество ни к чёрту. Но сам факт! – Корб вдохновенно закатил глаза. – Я, признаться, даже видел знаменитый даггеротип братьев Сюсс. Это просто неопи...

Разговор внезапно был прерван истошным женским криком.

Дитрих и Корб переглянулись, и в ту же секунду с любо-

пытством прильнули к окну.

С ужасом стали наблюдать жуткую картину.

Женщина, молодая ещё, растрепанная, обезумевшая, бегала по площади и истошно кричала, вцепившись себе в волосы. Окруживший её люд с интересом наблюдал за ней, боясь приблизиться. Кто-то хотел было успокоить сумасшедшую, но, едва не лишившись глаз и получив крепкую оплеху, тут же отстал.

Побелевший Дитрих отпрянул от окна. В голове помутилось, а сердце будто сковало тугой паутиной.

– Что такое? Вам плохо?

Женщина, молодая ещё, растрепанная, обезумевшая, бегала по площади и истошно кричала, вцепившись себе в волосы. Окруживший её люд с интересом наблюдал за ней, боясь приблизиться. Кто-то хотел было успокоить сумасшедшую, но, едва не лишившись глаз и получив крепкую оплеху, тут же отстал.

Побелевший Дитрих отпрянул от окна. В голове помутилось, а сердце будто сковало тугой паутиной.

– Что такое? Вам плохо?

– Я её знаю, – прохрипел Дитрих. – Вдова. Она приходила ко мне. Делала заказ на пост мортем. Мужа сфотографировать. Фрэнка...

6. Цветочный сад

Вечер клонило в сон. В приятной полудреме ночь нехотя наваливалась на город. Темнело. Дневная суета сменялась ночной покойной тишиной.

Хенна О'Брайан зажгла керосиновую лампу, глянула на смолянистый огонёк. Тусклый неровный свет наполнил комнату, распугал по углам призрачные тени.

– Ангелы укладываются спать, – прошептала Хенна, глядя, как садится в кровавый туман солнце. – И мне пора.

Она задёрнула занавески, присела в кресло. Прислушалась. Тишина приятно оплела её, но в сон не утащила, медлила. Она поняла, что уснуть вновь не удастся. Так иногда бывает, покой наполняет все тело, сминяет разум и до того становится кристально чисто в голове, что и уснуть уже невозможно. Одни только и мысли о божестве. О свете. О непорочном всеобъемлющем свете, что стелется в раю, и поглощает все, и дарит тепло и упокоение.

В пыльной безмятежности звон часов раздался словно гром. Хенна вздрогнула от неожиданности. В сердце неприятно закололо.

– Заикой стану! – проворчала она, поднимаясь с кресла. – Выпить чаю на ночь что ли? Травяного душистого чаю. Может, усну? И то верно!

Она прошла на кухню, поставила чайник на огонь. Долго

смотрела на языки пламени, пока чайник не закипел. Огонь её завораживал и пугал. Было в нём что-то бесовское.

«И пролил Господь на Содом и Гоморру дождем серу и огонь от Господа с неба, и ниспроверг города сии, и всю окрестность сию, и всех жителей городов сих, и все произрастания земли¹», – она помнила эти слова. И живо представляла описанную картину. Огненный дождь, пожирающий все на своем пути. Справедливое наказание для грешников. Картины конца света, описанные в Библии, всегда особенно красочно представлялись ей. Порой она даже чувствовала запах дыма и крики людей. Огонь пожирает, огонь очищает.

Из дальнего шкафа на стол перебрались две глиняные баночки – в них Хенна хранила травы – ромашку в одной, бергамот в другой.

– Самое лучшее средство успокоится, – улыбнулась она. – Ведь, правда, Джим?

Она глянула на пол, в тот угол, где по обычаю своему любил сживать Джим – её верный спутник жизни и единственный друг – собака, помесь овчарки и еще не пойми кого. Она подобрала его еще щенком на улице. Кто-то до полусмерти избил животное, и выкинул помирать. Хенна выходила пса, даже к ветеринару водила показывать. Пес в благодарность стал её верным другом, по ночам укладывался у изголовья кровати – охранять хозяйку, по утрам всегда вылизывал ли-

¹ Бытие, 19:24—25

цо, поднимая порой еще до рассвета. Так они и жили, вдвоем, и больше никого.

Пса на своем месте не было.

«Убежал, прохвост!», – фыркнула про себя Хенна. Но под сердцем опять кольнуло, теперь уже иглой беспокойства – Джим по вечерам не гуляет, не любит лапы морозить в вечерней прохладе.

«Вернется, обязательно вернется», – подбодрила она себя.

Процесс заварки был отточен до автоматизма и потому быстр. Ловко орудуя посудой, она заварила чай, накрыла маленький заварник полотенцем. Стала ждать.

Пока травы запаривались, решила выглянуть в окно.

В свете уличного фонаря начала наблюдать за редкими прохожими, попутно высматривая и своего пса.

– Подумать только! – пробубнила она себе под нос, заметив вдалеке кого-то. – Женщина, не молодая уже, а так одевается! Всё наружу! Срам! А эти проходимцы? Так и плятятся на неё. Им дай волю – зажмут её и у первого забора обесчестят. И куда мир катится? Господи, ослепи мои осквернённые глаза!

Хенна отпрянула от окна. Не зная, чем себя занять, переплела волосы. «А седин все больше», – проскользнула мыслишка, скользкая и гадкая как осьминог.

– Джим! – вновь позвала она, оглядывая комнаты. – Да где же ты, проходимец?!

Пес не ответил.

Хенна прихватила керосиновую лампу и прошла по коридору в прихожую.

– Джим, ты тут? А ну отвечай, негодник! Вот я тебе задам жару сейчас! Попадись мне только! Да где же ты?!

По углам прятался только мрак. Хенна встревожилась сильнее. Её верный пес, который служил ей верой и правдой столько лет, вдруг исчез. Куда же он мог запропасться? Может, утащил кто? В наш век и не такое случается. Что с ним сделали? Живодеры замучили? Говорят, сейчас научились шить из собачья шерсти шубы. По виду от лисьей не отличишь, а дешевле выходит. Вот как делают, людей обманывают! И что же это они, шкуры с животных домашних, что ли сдирают? Страх-то какой! Или дети – эти злые бессердечнее создания, – закидали тебя камнями? Только попадитесь мне сорванцы на глаза – все волосы повыврываю!

– Джим, где ты прячешься? Выйди ко мне, я дам тебе твое любимое лакомство! Вот! Печенье! Возьми, возьми! Ну что же ты?

Около порога что-то тихо устало фыркнуло. Хенна направила луч света туда. Во тьме никого не было.

В дверь заскреблись. Хенна поняла, что звук доносится с улицы.

– Ты за порогом? Сейчас мой милый я открою тебе двери. Как же так получилось, что ты оказался в холоде? Неужели я тебя не увидела когда запиралась? Ох, старая я совсем стала! Совсем голова не соображает!

Она быстро отперла замок, распахнула двери. Осветила фонарем порог. В ночной мгле на неё взглянули два угасающих огонька.

– Джим, что с тобой? – выдохнула Хенна. На душе все оборвалось. Разум еще ничего не сообразил, но сердцу хватило мгновения, чтобы понять – случилась беда.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.